

18+

Осун ЧЕРКАСОВ

ТРИЛОГИЯ И ЗАМОК

Осип Черкасов

Трилогия и замок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73435363

ISBN 9785006934917

Аннотация

Не суть судьбу судить сурово, Спуская мир на тормозах. Раскрой рукой покрой покрова, Сорви ярмо венка лаврова И в путь! Пусть в развитых разгах Стрекотно встретится корова С зеленым лазером в глазах.

Содержание

ОТ АВТОРА	7
ТРИЛОГИЯ-БУФФ	12
ПОТОК	12
СЮЖЕТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОГО РАССКАЗА	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Трилогия и замок

Осип Черкасов

Редактор Галина Журавлева

Корректор Галина Журавлева

Дизайнер обложки Елена Пахомова

Фотограф Осип Черкасов

Фотограф Елена Пахомова

© Осип Черкасов, 2026

© Елена Пахомова, дизайн обложки, 2026

© Осип Черкасов, фотографии, 2026

© Елена Пахомова, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0069-3491-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осип ЧЕРКАСОВ

ТРИЛОГИЯ И ЗАМОК

ПРОЗА
КНИГА 0

ОТ АВТОРА

Сразу хочу предупредить: эти произведения не несут в себе ни какого-то глубокого смысла, ни послания поколению, ни вообще чего-то ещё. Издать их я решил с одной-единственной целью: закрыть гештальт моей юности. И более ничего.

А теперь о том, почему эта книга носит номер ноль. Три рассказа, написанные с 1988 по 1990 годы, – это три самые первые мои пробы пера в прозе (не считая, конечно, школьного баловства). В то время я уже сочинял свои самоначальные стихи и песни, увлекался психоделической музыкой, а из авторов любимыми были Валерий Брюсов, Велимир Хлебников, Джеймс Джойс, Хорхе Луис Борхес, Франц Кафка... Так из магического реализма «Книги Мануэля» Хулио Кортасара и сюрреалистичной «Тарантулы» Боба Дилана появились эти измышления выюношеского разума.

Позже, глубоко уйдя в стиль «потока сознания», я написал ряд бессюжетных эссе, затем оформившихся в концептуальный цикл «Симфония цветов». Он был неожиданно (потому что тогда задумывался сатирический сборник басен и побасенок «С точки зрения шута», но кое-кому тот не понравился, а выделенные деньги необходимо было осваивать) издан в 2005 году в сборнике «Симфония и дождь. Книга 1». Туда же вошел и рассказ «Дождь и шепот», прокладыва-

ющий мост между «Трилогией» и «Замком в облаках».

Эта повесть, написанная в 1995 году и продолжающая идеи «бродяги в неведомых мирах», была отчасти навеяна «Бродягами Дхармы» Джека Керуака, отчасти «Дневниками мотоциклиста» Че Гевары, а скорее всего, просто завершала ранний этап моей прозы – переход от нереальных фантазий к фантастическому реализму. Черту его я подвел в следующей повести «Почему морковь оранжевой апельсина» в сборнике «Морковь, апельсин и чертова дюжина еще. Книга 2» 2006 года, где наряду с ней были опубликованы как психоделические сочинения типа «От конкретного негодяя», «Феноменология бочки», «Диалог Платона и Сократа об универсальной классификации женщин», так и фантастично-реалистичные «Картофелина», «Ода старому парку», «Чужой сон», «Прямой номер Бога»...

В 1994 году я начал роман, изначально называвшийся «Господин Свистоплюшкин», но получивший окончательное название «Азартные игры при сильном ветре». Сей труд растянулся почти на 15 лет, был закончен в 2008-м и тогда же появился на интернет-ресурсе proza.ru. Его (не считите за пафос) считаю лучшим из всего, что написал. Но слишком много из того, о чем я только фантазировал в те годы, оказалось недобрим пророчеством и сбылось в десятые и двадцатые. Поэтому в печатном виде его увидеть еще не время.

После «Моркови» долгих 20 лет прозу я не публиковал в печатном виде. Хотя издал ряд книг стихов – «Храни-

тель моря времени» (1999), «Былины Иринеи» (2000), «Онна» (2005), «Годовины» (2012), «Сезон штормов» (2022), а мои переводы с астурийского были выпущены в Испании в коллективном сборнике «Antoloxia poesia asturiana» (Gijon, 2000, Espana). Благодаря Интернету и вышеупомянутому литпорталу в сетевом варианте появились как стихи из этих книг, так и прозаические сборники «Вверх по течению» (2013) и «Про за и про перед» (2017).

Лишь в прошлом году, поддавшись уговорам друзей, решился-таки издать рассказы и повести, вошедшие в интернет-сборник «Кости и плюшки», дополнив их миниатюрами из «Вверх по течению жизни», а также прозой, написанной с 1995 по 2025 годы. И после того как появились «Кости и плюшки. Книга 3», понял, что настала пора обратиться к опусам моей юности. Но, согласитесь, не слишком логично сочинения конца 80-х, написанные до всего, что вошло в книги с первой по третью, публиковать как «Книгу 4». Так что, с моей (и шута) точки зрения, нулевой номер будет наиболее логичным как по хронологии, так и по художественной ценности.

Надо сказать, что судьба у произведений из этой книги сложилась по-разному. Если «Сюжет для небольшого рассказа» и «Замок в облаках» были опубликованы в сети еще в самом начале нулевых, то «Поток» и «Двое и один на двоих» долгие годы я считал безвозвратно утерянными. Дело в том, что, когда они писались, никаких компьютеров в до-

ступе не имелось. В институте, где я учился, были монохромные ДВК с дискетами 5,25. Зато у меня дома имелась портативная дедовская печатная машинка «Москва» 60-х годов в фанерном чемоданчике, оклеенном коричневым дерматином. На ней-то я и печатал свои первые творения.

Когда компьютеры, сканеры, принтеры и прочее стали доступны, оказалось, что при переезде из одного города в другой в середине 90-х мои архивы смешались, и от этих двух рассказов остались лишь разрозненные листы. Пришлось смириться, хотя к тому времени мои увлечения в прозе были уже другими и я не так чтобы об этом шибко жалел.

Но вот при очередном переезде в 2021 году, когда я разбираю бумаги уже на новой квартире, случилось практически чудо: в одной из папок среди прочей макулатуры обнаружилось полные варианты и «Потока», и «Двоих» – через четверть века! Тогда же после некоторой редактуры они были опубликованы на rgoza.ru в интернет-сборнике, что я назвал «Трилогия-буфф» – по аналогии с известной пьесой Владимира Владимировича.

Если кто читал их в сети, заметит, что для настоящего издания произведения я немного переработал, хотя и не сильно изменив сюжет, поскольку его как такового там нет. Сделал это по нескольким причинам. Во-первых, включил в прозу несколько своих психоделических стишков тех же лет. Самостоятельно они никакого смысла не несут, но здесь неплохо поддерживают антураж. А во-вторых, пришлось переде-

лать некоторые эпизоды, поскольку кое-что из того, что казалось просто дурацким абсурдом в конце 80-х, сейчас, оказывается, может задеть чьи-то чувства, а то и вовсе оказаться нежелательным. В третьих, я закрыл еще один свой юношеский гештальт, о котором мечтал со дня написания повести: прочитал полную версию русского перевода «На помине Финнеганов», в результате чего здесь появились фразы на трех десятках языков, которые я благоразумно перевел в комментариях – надеюсь, не соврамши. Кроме того, отдельные особенно настырные персонажи этих рассказов самостоятельно расползлись по ним – и совершенно без спросу. Ну и еще корова с зеленым лазером в глазах, которая встретила меня в рождественские дни 2026 года в горах Кавказа, не могла не забрести и в эту книгу...

ТРИЛОГИЯ-БУФФ

*И вот настала пора великого похода...
Дж. Керуак «Бродяги Дхармы»*

ПОТОК

Некий день я уже в этом призрачном мире. Мире, где ничто не ново и ничем нельзя удивить того, кто всю жизнь пролежал на продавленном диване, чьи познания в географии ограничиваются плоской Землей, а взгляды не шире его обезьяньего лба, но в котором так много нового, удивительного и неожиданного для бывалого путешественника, полжизни потратившего на изучение разных миров и уверенного в том, что ничего неожиданного за оставшуюся половину он найти уже не сможет. Некий – потому что здесь день может обратиться ночью, вечер утра мудренее, а отсчет времени то ускоряется, то замедляется, то останавливается, а то лихо меняется в обратную сторону.

Да, этот мир никак не понять простым людям. Хотя кого из нас так уверенно можно назвать простым? Ведь просто-та есть противоположность сложности, а что сложно и что просто в этом мире, где то, что сегодня есть правда, завтра может по-прежнему быть истинным, может оказаться ло-

жью, а может вообще исчезнуть, и поди после докажи, что оно когда-нибудь существовало... Наполеон, занимая Москву, не мог знать, что потом его армии придется с позором отступать по Смоленской дороге, и отряды кое-как вооруженных русских мужиков будут беспрерывно терзать его усталое и разутое воинство.

Я пока еще не Наполеон, но могу тут стать кем угодно – поэтом Фетом, адмиралом Асмаралом, рекламным приложением к «Олд-Йорк Хаимс» или сажей в дымоходе. И кем я буду в следующее мгновение – не знает никто, разве что Восемьдесят Шестой, в которого я не верю. Что ж, в этом есть даже свои преимущества: по крайней мере, никогда не усташь от себя, и каждый миг тебе приносит что-то новое. Бывают, знаю, люди, не терпящие никаких перемен или новостей, им бы тут пришлось ужасно туго, но, к моей радости, я не из таких. Мне все эти превращения и перевоплощения доставляют только удовольствие. Ну да ладно, что-то я заболтался, а уже пора двигаться. Продолжим в пути.

Сегодня с утра я, кажется, еще не менял своего существования. Это значит, что по-прежнему остаюсь куском меха от старой дубленки, что когда-то висела у меня в прихожей на ржавом гвозде между курткой-алюсской и замасленным ватником, в котором я работал на разгрузке вагонов с ватой и маслом в стародавние студенческие годы. Но я опять отвлекся. Что за свойство – начинать с одного, переходить на другое, затем на третье, пятое, десятое и под конец забы-

вать начисто не только начало мысли, но даже и то, о чем, собственно, шел разговор. Говорят, такое бывало с Юлием Цезарем, когда он решал многочисленные императорские проблемы. Не знаю, как там с Юлием, а вот со мной такое бывало уже не раз. Но я все еще кусок меха от старой дубленки, что поднимается по пожарной лестнице вверх из своего закута, в котором проводил эту ночь, к дороге – она сегодня обнаруживается на уровне крыши.

Впрочем, дорога – это очень условно. Говорят, это и не дорога вовсе, а Русло Потока Сознания, по которому все образы, существующие тут, совершают обороты вокруг своей Цели, постепенно к ней приближаясь. Цель едина для всех, но для каждой формы она принимает свой исключительный вид, понятный только ей одной. А подгоняет нас всех по этому Руслу некий день не кий, а Вектор Исправленности Всеобщего Взгляда Со-Знания, который для краткости далее будем называть ВИВВСЗ. Ужасно противное название, похоже на зуд анофелеса, вы не находите? Вот сообразно его указивкам и движусь, и моя форма зависит тоже от его направления.

Однако все это очень сложно и малопонятно для вас, да и для меня. А поскольку сегодня я кусок меха... нет, не так – Кусок Меха, то путь мой лежит к Меховой Фабрике, в форму которой обернулась моя Цель. Хотя не исключено, что по пути я опять обращусь во что-то новое, тогда и Цель моя тоже станет иной. Некоторые бедолаги, случалось, тут целыми

вечностями болтались взад-вперед, непрестанно меняя форму, перетекая из одного существования в другое, но никак не могли достичь своей Цели. Мне такое не грозит, я более устойчивое создание, но один, два, а то и три-четыре раза в день и мне, может, придется поменять облик. Но хватит болтовни, пора же к делу!

Итак, я теку по лестнице вверх. А вот нечто сыплется вниз. Это Акколадный Заяц, лаковый мурзавец, мой сосед по закуту. Вчера он орал Горлопанской Девой, а сегодня вот стал зайцем, украшенным нотными знаками по лаковому покрытию. Мысленно кричу ему «Доброго здоровьица!», воспринимаю в ответ «*Gabh suram!*»¹ – и он уже внизу.

Фу ты, опять эти яркие ромбики! Сегодня их уже больше. Вчера они покрывали только треть неба, а сегодня уже почти половину. Они такие блестящие и ужасно слепят тех, кто может их видеть. Хорошо, что я Кусок Меха и у меня нет глаз, но своей щетиной и я их ощущаю. Это довольно щекотно. Они появились пару дней назад, да еще не только не проходят, но и размножаются делением или там почкованием, уж не знаю точно как – не специалист. Должно быть, это какая-то болезнь неба, вроде бородавок или прыщей.

Ага, а вот и лекари. Семиногий пеликан с величайшим усердием мажет небо сизой химозой из разлитого поблизости химозера. Ромбики мерзко шипят, извиваются, но тут же шелушатся и отпадают, растворяясь в воздухе ед-

¹ Береги себя! (шотл.)

коватым удушливым туманом. Однако пеликана это абсолютно не смущает. Другой эскулап, имеющий образ куба с тремя антеннами, разгоняясь, бьет по ромбикам своими ребрами, но это действие явно приносит весьма незначительную пользу, а вернее сказать, вообще ее не приносит. Во всяком случае, пока куб бился о небо, пеликан истребил десятка два ромбиков и был еще полон сил и энергии. Интересно, надолго ли его хватит?

Так незаметно, наблюдая (если можно так сказать) за столь своеобразным сражением, я добрался до дороги. Теперь главное – попасть в Поток. А как? Течение такое плотное, что любая попытка проникнуть туда неминуемо кончается фиаско – тебя просто выпихивают, причем самым бесцеремонным образом. Для таких форм, как моя нынешняя, тут прохода нет. Остаются два варианта – искать дорогу с меньшим течением или ждать очередной неадекватной мутации. Поскольку когда будет второе – неведомо, то наугад проваливаясь в подпространство, мечтаю вывалиться из него поближе к нужному мне входу.

Бух! Бах!! Трах!!! И я вылетаю обратно. Опять на то же место – но в новой форме. У этого подпространства препротивнейшая особенность имеется: вместо того чтобы меня переместить в пространстве, подпространство переместило пространство во мне, и ваш покойный, но пока еще живой, слуга обрел новое состояние.

В эфире звучит голос Восемьдесят Шестого:

Мне любо слушать по утрам

Домкратов мерное гуденье.

Внимать картежным шулерам

И псам эпохи Возрождения

О неизбежности паденья

К палящим адовым кострам...

Итак, кто же я теперь? Батюшки-светы – не кто иной, как Дорожный Каток! Нет, ну надо же быть таким тугодумом, чтобы забыть это простое правило: не прыгать в подпространство, если прошлой ночью шел подморозящий дождь. Ну, чему быть, того не миновать. Зато теперь мне будет просто войти в Поток – попробуй-ка, выпихни оттуда Каток! Как однажды раз Каток захотел попасть в Поток... Ишь ты, даже на стишки потянуло. Однако надо спешить. А куда? Раз я Каток, значит, к подножью Магнитной Башни, указывает мне путь ВИБВСЗ. Ну что же, в путь!

И Русло Потока Сознания охватило меня. Да, Каток – это не клочок дубленки. Солидно, все тебя уважают, дорогу уступают. Да и как не уступить – раздавлю, не потерплю и р-раз-дав-лю на раз-два! К тому же, у Катка имеются фары, а это почти глаза, так что можно и по сторонам оглядеться.

Вот, например, чуть ниже меня в замедленном темпе куврыкаются какие-то зверушки – то ли крысы, то ли хомяки. А вот степенно бухает старый геликон. Раньше он бУхал

в басовом фа-ключе, а теперь бухАет, заливая в себя скотч и бурбон. Наверное, эта труба честно отыграла свой век в каком-нибудь провинциальном театре и была сдана в утиль на цветмет.

Мне ясно представляется такая живописная картинка. Осенним пасмурным днем на заднем дворе некоего захудалого очага культуры нашел геликон старикашка-сторож (альтер-эго волосатого старьевщика) с недельной щетиной на щеках, весь опухший, обрюзгший и посиневший. Сдвинув засаленную кепку на затылок, он постучал рваным сапогом по своей находке, подумал: «Завтра в скупку снесу, может, еще на пару бутылей хватит». Старина пнул ногой по гулкой меди, та ответила ему взаимностью, и стороган, взявши геликон, потопал в свою каптерку на randеву с очередной бутылкой. Так, или, быть может, совсем не так, но несчастная труба оказалась здесь, как и все прочее.

Слышится странный шум сверху. Ага, это летит Релаксивный Потребитель. Лучше посторониться: хоть я и каток, но все же Потребитель тоже не мелочь какая. С ним столкнешься и опять превращения не избежать, а то вообще распадешься на части, да каждая в свое обратится – поди-ка их собери после! Нет, он уже пролетел, все спокойно.

Рядом со мной Бутарантино спорит с Дедом Щелкарем о преимуществах государственного капитализма перед поголовной коллективизацией.

– Позвольте, синьор, но не будете же вы отрицать реша-

ющую роль товарно-денежных отношений в монополизации капитала?

– Погодь, милоч, какая-то такая капитала? Я ж те говорю: ежели корова своя есть, то и ладно. А ежели она колхозная, то, значиться, обшшая!

Да, у каждого свой взгляд на предмет спора, да и друг на друга. Может быть, только я их вижу как Бутарантино и Щелкаря, а мой сосед по Руслу – обгоняющий меня Хлоп Череп-Ашка – как Репу и Домкрат, а они сами друг друга – как Монтесумку и Небеспьера. Все зависит от точки зрения. И, замечу, еще от желания увидеть. Это везде, но в этом мире особенно. Даже меня можно трактовать по-разному. Кому-то я кажусь валенком, кому-то – пишущей машинкой «Москва» (в переносном саквояже, на которой впоследствии напишут этот рассказ), а вполне может найтись и такой субъект сознания, который меня вообще не видит, – не в его плоскости взгляда лежу. Например, вон та корова с зеленым лазером в глазах. Неприятная тварь, неохота оказаться в плоскости ее взгляда.

Ух ты, как трухануло! Что за оказия, неужели в Потоке тоже бывают воздушные ямы? А, ничего страшного: это наша дорога превратилась в луг, что, впрочем, совершенно не помешало ей остаться Руслем и ровным счетом никак не отразилось ни на характере моего движения, ни на образе Цели. Просто некто взглянул на Русло как на луг, вот оно и приняло образ луга – Луга, великого кельтского бога света, масте-

ра всех искусств и ремесел.

Я теку уже уйму времени, но Магнитной Башни не видно пока ни с какой точки зрения. Возможно, ее еще не построили. А, может, уже разобрали. Бывает и так: то, что для одного кажется новостройкой, для другого оказывается просто сломом старой развалины, где он прожил большую часть своей жизни, где ему знакома каждая паркетина пола, каждое пятно на обоях, каждый тополь за окном и каждый таракан в мусорном ведре. Ведь с некоторыми тут случается и так – они все время стремятся к своей Цели, но ее вообще не существует. Обидно, когда это понимаешь, но еще обиднее, когда это не хочешь понять. Может, и моей Цели тоже нет. Жалко, если это так на самом деле. Хотя, если рассудить здраво, зачем мне эта Башня? Просто потому, что так заведено – у каждого должна быть своя Цель...

Да, сила традиций – великая вещь. Но ты никогда не знаешь, что будет в конце твоего путешествия, поэтому сама Цель для тебя должна являться благом, ибо истина есть не в завершении пути, а в продолжении его. Почитайте «Бродяг Дхармы», может, поймете. Можно и «Колобок» – ведь этот бродяга тоже жил в пути, ибо цель его пути была сокрыта от него, но когда его слопала Лиса, он завершил свой земной путь, замкнув сансару, но так и не встретив свою цель. Делаем вывод: его путь и был его целью. Хотя цель у него имелась вполне определенная: посадить Альберта, Якманя и Трио Параноиков навечно за крепкие решетки Шестого

эпизода. Такие дела, такие рассказы, о которых вам впредь еще суждено узнать

Меж тем луг Луга незаметненько так завернул свои края, соединив их вверху, и образовал некую пещеру. А что это означает? Это может означать только то, что Поток Сознания устал трудиться и решил дать себе отдых. А поскольку мы его часть, то отдых для него есть отдых для нас. Что ж, отдохнем.

Как известно, отдых в любом цивилизованном мире (к коим я отношу и наш), предполагает восполнение запасов энергии. Для непонятливых разьясню: когда устал, кушать хочется. А что же тут кушают Катки? Проблема. Вообще-то там, где я обретался раньше, дорожная техника потребляет дизель, мазут или соляр (последнее – то, что импортировано с Соляриса и настроено на продукты жизнедеятельности его мыслящего океана), но меня, странно, к ним совсем не тянет. А может, и у нас катки тоже не выносят эту гадость, а злодеи-механики насильно вливают им нефтепродукты вместо того, чтобы по-братски поделиться бифштексом? А что, интересная мысль, надо бы запомнить. Во всяком случае, мне точно известно, что ни Платон, ни Ньютон, ни Антон Бонтон (кто это, я не знаю, но он ономясь проплывал мимо меня в Потоке) до этого не доходили. Вот какой у нас мир! Обычный каток такое может придумать, что у-ух!

Однако мысли опять стали разбредаться. Наверное, от усталости. Бывает же так: вот мысли сидят все вместе, как коровы в коровнике, и ты их думаешь спокойно и не спеша.

Но внезапно одна из этих коров оказывается с зеленым лазером в глазах, а остальные вдруг они начинают прыгать, как кролики в крольчатнике и теряться, а ты пытаешься угнаться за ними всеми сразу, да только какое там! В результате остаешься один, с совершенно пустой головой, оболваненный как болванка, и, пока мысли не нагуляются и сами не вернутся в твою жестяную башку, думать совершенно не о чем. Ну ладно, ладно, с этой философией я могу зайти вообще неведомо куда и не вернуться сюда обратно. Лучше уж буду изучать это заведение, в котором оказался по милости нашего многоуважаемого Потока Сознания.

Что ж, это верно: здесь не так уж скверно. Тихо, прохладно и даже немного уютно. Если, конечно, уют для вас означают свисающие с потолка клочья волос кошачьей блохи и текущая по стенам ртуть (отмечу, именно с твердым знаком – именно так называл химический элемент Восемьдесят Шестой, которому предстояло идти новыми путями, но пока не здесь). Посетителей немного. Кроме меня, тут два маленьких горбуна с невероятно длинными, слипшимися от грязи бородами, поблескивающая в полумраке сфера и еще что-то трудноописуемое, похожее одновременно на сероватый туман, окорок, окурок и оклунок, к тому же непрестанно меняющееся. Встречаются и такие создания. Они не могут задержаться ни в одной форме ни на минуту и постоянно вынуждены терять свои очертания. А все потому, что уж слишком по-разному на них смотрят. Просто жуть берет, когда пред-

ставишь себе такое существование. Посудите сами: то пол, то вол, то кол, то мол, а то гол как сокол, и все это за одну минуту.

Интересно, чем же эта сущность питается? Понаблюдаем. То, что она потребляет, такое же непонятное, как и само создание: постоянно переливается из одного образа в другой, вероятно, сообразно с переливами сознания существа. Кстати, передо мной уже стоит и моя порция. Нечто зеленое, висящее в прихожей, пахнущее пищащим, но весьма аппетитно. А на вкус? А как вам это описать – на вкус? Если сказать, что у него вкус такой же зеленый, как писк и цвет, вы вряд ли поймете. На писк и цвет все флибустьеры грязные, как гласит древняя немыто-флибустьерская присказка. Мне-то вкус понятен, но в словах его ну просто никак не выразить.

В потоке пронеслось суши из тунца и угря. Мне бы хотелось сразу его скушать, сожрать, схомячить и, не умничая, умять. Значит, если я вам скажу, что у зеленого яства вкус «суши умну», вам станет яснее? А что, неплохо придумал. Отныне любимая пища Катков будет именоваться сушумну.

Поглощая свой (свою? свое?) сушумну, присматриваюсь к соседям-горбунам. Они оказываются не то магами, не то колдунами, и одновременно, трясая своими колтунами в бородах над едой, демонстрируют друг другу различные превращения. То первый отрастит себе четыре крыла и начнет летать кругами, то второй поменяет голову на куб, жалобно причитая: «На том свете не в пример спится лучше, чем

на этом». То один открутит свое ухо, из которого посыплотся пауки и сороконожки, то другой превратит ноги в ласты, наполнит пространство вокруг себя водой и будет в нем плавать конащуккой. Причем, что меня особенно заинтересовало, вода ничем не ограждена, но по краям стоит строго вертикально, подпираемая стенкой из кварков. Да чего уж тут удивляться, в этом мире чудеса еще расчудесней увидишь.

Постойте, почему в моем сушумну полно какой-то мерзости? Откуда ни возьмись, в нем плавают рачки, жучки, паучки и еще какая-то живность. Особенно поганый вид имеет человеклоп, поминутно высовывающий хоботок из сушумну и дудящий в него как в гнусавую дудку Шакаленок. Да их, человеклопов, все больше становится, они падают в пищу сверху.

А что вверху? А там, оказывается, старая рогожа, которая заменяет потолок, осыпаясь, превращается в эту пакость, и непременно им надо падать в мою пищу! Сдается, что это моя прежняя Форма – Кусок Меха – обратилась в это облезлое чучело. Что за безобразие! Немедленно надо жаловаться.

Но уже, кажется, поздно. Со свистом анофелеса «Ви-ивв-сззь!», весьма напоминающим свист болельщиков на центральном стадионе, когда их родной команде назначили пенальти в добавленное время, и именно от него зависит судьба чемпионского звания, странное заведение осело и рассыпалось в прах, который моментально расползся, разлетел-

ся и разбежался во всех направлениях. Передо мной с ужасающим криком упал человеклоп, и маленькие рубинчики крови сели мне на одежду. Горбуны тоже куда-то подевались, оставим кучу вонючих волос из своих бород, а сфера с бесформенным созданием и облезлой рогожей медленно заскользили вдоль русла. Отдых закончился. Я снова в Потоке, и снова несусь к своей Цели по велению ВИБВСЗ.

Интересная, однако, особенность у этого Русла Потока Сознания: тебе не надо думать, куда ты хочешь попасть. Поток сам вынесет туда, а твоя забота только смотреть, чтобы не задавить кого, или тебя бы кто не задавил. Ну, за второе я спокоен, а за первым пускай следят те, кто помельче, ибо сказано Знаменитым Компотоварителем: «Успение усопших – сон сомна сомнамбул». Так что можно спокойно предаваться размышлениям.

Вас, конечно же, интересует, как я сюда попал? Знаю, что интересует, не говорите «нет», я это понял, как только почувствовал вас в своем сознании. Это вам только кажется, что вы меня видите или слышите, а на самом деле это мое сознание соединилось с вашим, дабы передавать информацию о нашем ирреальном мире. Итак, как же я сюда попал? А вы уверены, что не родился и вырос здесь? Ах, уверены, говорите, так выходит из вышеизложенного. Ну, хорошо, убедили. Хотя здесь нет ничего невозможного, ведь в любой книжке по философии, хоть в бумажной обложке, хоть в лакированном переплете, вы прочтете, что материя несотвори-

ма и неуничтожима. Она только переходит из одной формы в другую. Как говорится, это научно-медицинский факт, обращение первого закона термодинамики через теорию относительности. Мощно для катка загнул, не так ли? Вот я перешел из одной формы в другую, а из той в третью, из третьей в четвертую и так *ad infinitum*². Сущий ад, не поспоришь, и *finita la comoedia*³. Но эта комедия масок, точнее, форм, далеко не окончена, и кто скажет, чем последующая будет лучше или хуже предыдущей? Это случается, когда ВИБВСЗ меняет свое направление.

За то время, что обретаюсь здесь, я поменял около трех дюжин форм. Был и одноногим пиратом, и двугорбым верблюдом, и трехколесным велосипедом, и четвероруким павианом, и сватом, и братом, и понтийским поллатом, и еще целым сонмом разномастных творений, из которых самым мерзким, бесспорно, была мохнатая слизистая мыслящая плесень. По счастью, в этой форме я был заключен ненадолго.

Самым же чудесным был образ волосатухого старьевщика в костюме Короля Дворцовой Малины. Я был одет в мантию порфириносной вдовы, отороченную падающими звездами, а на ногах моих были штиблеты из лунной пыли. Вокруг увивалась свита гномов, эльфов и нимф, подстригавшая волосы, свисавшие из моих острых ушей, а за ними

² До бесконечности (лат.)

³ Комедия закончена (ит.)

шли нестройною толпой ашуги, акыны и аколиты, воспевавшие мои подвиги. К сожалению, это тоже продолжалось не слишком долго, ибо время тут имеет неприятное свойство то останавливаться, то убыстряться, то замедляться, как степная река, то нестись вскачь диким мустангом в прериях Среднего Запада. Хотя здесь уже вновь повторяюсь.

Ах, извините, я опять несколько уклонился от темы, и вы настойчиво напоминаете, что я обещал рассказать, как очутился тут. Да расскажу я вам, не переживайте, только вряд ли вы поймете. Для этого надо мыслить в одной плоскости со мной, а наши сознания, к большому сожалению, только пересекаются, и то весьма слабо.

Так как я сюда попал? Да очень просто! Бывает так иногда (и с вами наверняка такое бывало) идешь себе, идешь куда-нибудь и совсем не обращаешь внимания ни на дорогу, ни на окружающих, а думаешь только о своем. И внезапно с ужасом понимаешь, что идешь уже не там, где шел раньше, что эти места тебе совершенно незнакомы, а как ты сюда попал, известно только Бомбоглоту с Брандахлыстом, а поскольку их пока нет (хотя когда-нибудь появятся), то неизвестно и вовсе никому. Вот точно так было и со мной: шел-шел и внезапно дошел сюда. Местные авторитеты, среди которых безусловным доверием пользовался Восемьдесят Шестой, как я понял из обрывков услышанных в Потоке разговоров, объясняют это тем, что при стечении благоприятных условий ВИБВСЗ концентрируется на определенных участ-

ках параллельных миров, и все, что там имеется, переносит, а вернее, копирует, сюда. А уж тут все и начинается.

Так что я не одинок. Все, что вы можете лицезреть, сейчас обретается в своих мирах, да и я тоже там, а здесь обращается мой некий слепок, нематериальная копия – как будет вам угодно. А сейчас плоскости наших сознаний вошли в соприкосновение, и вы можете ощущать этот мир сквозь мое созерцание себя.

Опять ВИБВСЗ пошаливает. Ну как, довольны? Вот то-то, сделайте лупоглазей умные глазища и не приставайте умно с глупыми расспросами. Следите за мной, если еще не наскучило.

Эге, пока я тут разглагольствовал, произошла новая трансформация. Теперь я кто? Сам Лжезеппе Гальзамо, знаменитый граф Какнеостро! На мне малиновый камзол из лавки Короля Дворцовой Малины с кружевным шитьем и бархатными манжетами (привет мантии порфироносной вдовы), обут я в золоченые туфли с огромными бантами, голову украшает широкополый боливар с пером, выдернутым из охвостья поехавшей кукухи.

Так, но раз я поменял образ, значит, и поменялась Цель моего путешествия. Замечу в скобках, Цель, но не конечный пункт. То есть, я все равно доберусь в то же место, куда стремился и куском меха, и катком, и этим малоприятным Гальзамо. Только для этой формы там будет не кожевенная фабрика и не Магнитная башня, даже не скоп Бетонных Мер-

завцев, а, не исключено, вокзал Слепого Резчика. Ведь я уже говорил, в этом мире важна не цель, а путь к цели. Только в пути ты постигаешь сущность этого мира, только в пути ты узнаешь новое, только в пути имеет смысл существовать, ибо только путь есть жизнь, а конец пути есть смерть. Так учат мудрецы, начиная от Герострата Стратгеографглобуспропившего, и кончая Знаменитым Компотоварителем.

А что будет со мной, когда я достигну своей Цели? Пока не знаю. За те некие сутки, которые проведены здесь, я ее не достиг. Я все время двигался в Русле Потока Сознания, останавливался на ночлег и для отдыха, но пока путь мой продолжается, и сколько еще он продлится, неведомо никому. Чем окажется моя Цель, когда я ее увижу? Ведь она все время менялась, столько раз, сколько я сам, она называлась то Вечным Горлом, то Королевством Дворцовой Малины, то клубом фениев Алаттайр-Дубх, то каретным вором, то мукой мукомулов, то сорок четвертым колесом Восемьдесят Шестого – и еще как только не называлась! Правда, у меня теплится несмелая надежда, что, дойдя до нее, я смогу, наконец, обрести свою настоящую суть и вернуться в тот мир, который так неосторожно покинул. Найти, так сказать, обрящик, о котором мне рассказывал в детстве дедушка Яша.

О, как бы я этого хотел! Хотя бы потому, что уже совершенно забыл, кто аз есьмь на самом деле. Сколько я не пытался узнать, сколь не старался вспомнить это, многочисленные трансформации сознания и кармы начисто вытравили

это из памяти. Был ли я человеком или булыжником, зайцем или стрекозой, караван-сараям или шелухой от семечек – я не смог найти ответа. Но по здравом размышлении понял – это не так уж важно. Может статься, и в том, земном, мире я так же постоянно менял свои контуры. Да и есть ли та, единственная форма, про которую можно оказать: «Это – я», безо всякой условности? Теперь в этом сильно сомневаюсь. Но все это гипотезы, построенные на зыбком песке. Надо поменьше философствовать, а сосредоточиться на пути.

Что же я наблюдаю вокруг себя? Луг Луга, хоть и не изменил формы, но поменял (внезапно) цвет – как-то почернел. Подозреваю, что его окраска перешла в ультрафиолетовую область. Сейчас я никак не воспринимаю ультрафиолет – графьям из рода Какнеостро это не по статусу, но в бытность мыслящей плесенью я видел мир исключительно в рентгеновских лучах. Ужасно неприглядная картина, я вам скажу. Нет, плесенью быть мне никогда не нравилось. То ли дело одноногим пиратом. Веселая работа – знай кричи: «На абордаж-ж-ж!»», на одном плече арбалете, на другом попугай ара орет: «Кар-р-рамба! Пиастр-р-ры! Кр-р-рах! Ворь-рь-е! Спирр-ртяш-шка!» А быть плесенью – увольте.

Снова звучит голос Восемьдесят Шестого:

*Люблю скитаться целый день я
По хмурикаменным дворам,
Ища себе сопровожденье*

*Среди познавших стыд и срам,
И на пути в охранный храм
Признать сей мир за наважденье.*

Неужели опять меняться?! Слава Знаменитому Компотоварителю, в этот раз не мне. Наблюдаю следующее: луг Луга стал экстраультрафиолетовым, а по краям его проросли цементные деревья. Однако вместо веток у этих созданий трехпалые когтистые лапы, которые то и дело хватают зазевавшихся существ с луга. Вот же стряслось мне попасть в место произрастания Бетонных Мерзавцев...

Послышался душераздирающий вопль – это одна из мерзавских веток захватила пестрый квадратный палас. Коврик этот злобно визжал, дергался и непрерывно менял цвет, а под конец вдруг раздулся мыльным пузырем и лопнул на десяток ярких радужных шариков. Они мерзко захихикали и укатились прочь. Надо быть все же поосторожнее с ними, с Мерзавцами этими, не ровен час, тебя так тоже схватят за шиворот, и ищи тебя, свищи – останутся прыщи. Будем держаться середины.

На лугу Луга полно не только обычных созданий, которых можно встретить и в реальном мире, – людей, животных, вещей – но и всяких сказочных чудовищ и каких-то иномерных монстров, и подсознательного бреда интроверта, и даже таких существ, которые не имеют ни вида, ни формы, а выражаются только запахом, цветом или вкусом.

Вот не так давно мимо проплыло одно такое. Я его почувствовал только по запаху – пахло чем-то похожим то ли на бычков в томате, то ли на свиной навоз. Ну вот, вы попробуйте вообразить себе существо, состоящее из одного запаха, пахнущего из паха. Наверное, цель его тоже выражается этим. Это то темно-бордовая автоголова, то скворцовые языки в заливном, то волосатое сердце совы. ВВИВСЗ иногда такие чудеса творит, что, как говаривали в старину, ни в сказке сказать, ни письмом пописать.

Так, а что же у нас сейчас вокруг творится? Очень, очень мило. Солнце заменяет дырявая галоша, небосвод выражен бабайковым одеялом, а облака вообще никак не рассмотреть – при одном взгляде на них нестерпимо крутит в носу и хочется чихать, так что и двух секунд не выдержишь. После нескольких таких экспериментов я совершенно потерял интерес к этому занятию.

Вот по одеялу летит нечто. Если смотреть левым глазом, оно похоже на птеродактиля или Змея-Героянычара, если правым – на четыре голубых тессеракта. Ясно, что обоими глазами лучше на него вообще не смотреть. Вот кому хорошо – летит себе и летит, никакие дороги не нужны. Лети, пташка!

Ух, Бетонные Мерзавцы, кажется, кончились. И то ладно – поспокойнее стало. Зато впереди какое-то столпотворение. Темп моего движения явно замедлился. Что же тамстряслось? Спрашиваю соседа, пожилого ИнДуса, индиви-

дуально устроившегося в сафьяновой чалме, не видит ли он, в чем беда. «*Etsaman*»⁴ – отвечает он и удаляется спиной вперед, бедолажка. Оказывается, как подсказала мне ВИБВ-СЗ, индивидуально устроившийся ИндУс именуется Судни, поскольку живет в противоположном времени, вот и говорит все наоборот, ожидая судные дни.

Ладно, попробуем сами разобраться. Потихоньку пролезаю вперед. Эко диво! Луг перегорожен листом бумаги, и все движение упирается в него, но с места сдвинуться не может. Что же тут за оказия? Так, вправо и влево лист тянется до горизонта, вверх... А наверху, на высоте полутора моих ростов, ходит по листу Голимер с какой-то восьминогой алькакой и нетрезвым голосом распевает «Би шене хээр морьтой-гоо явна»⁵.

Вот она, причина! Видать, какое-то уплотнение или разрежение образовалось в Русле Потока Сознания и направлении ВИБВСЗ. А хээр тут ни причем, это все Голимер воду мутит. Нужно удалить его, тогда и преграда исчезнет сама по себе. Как же с ним договориться?

Из записей Восемьдесят Шестого:

Лжезеппе Гальзамо: «Эй, Голимер!»

Голимер: «Йыдым пасушко имни доно лектам»⁶

⁴ Кланяюсь тебе (хинд.), произнесенное наоборот

⁵ Выйду ночью в поле с конем (монг.)

⁶ Выйду ночью в поле с конем (горномарийск.)

Лжезеппе Гальзамо: «Слазий оттудова, ты всем туту мешаешь!»

Голимер: «Ат пан кырда шыгаякпан»⁷

Лжезеппе Гальзамо: «Слазий, говорят тебе!»

Голимер: «Я не Слазий, я Голимер! А вот хээр тебе явна...»

...Обрыв записи.

От Голимера мне становится тошно, как это случилось на станции Тосно, где я в бытность человеком отстал от плацкарта и в ожидании такси вынужден был давиться просроченными беляшами. Поезд-то догнал, но желудком мучился ещё пару дней. Кажется, опять начинается очередное перевоплощение. Что же делать, задумался я?

Неожиданно помощь приходит от малыша Амура. Этот негодник стреляет из своего лука в Голимера и попадает тому прямо в нос. Голимер удивленно сводит глаза к переносице и, пробормотав опять: «Шабона бо асп ба сахро мебароям»⁸, начинает сдуваться, как это происходит со старым воздушным шариком – медленно, постепенно, и вот уже его плоский съезжившийся силуэт слетает с листа, в воздухе превращается в махаона и упархивает вдаль. Стена меж тем начинает темнеть, трескаться и крошиться. Затем вдруг становится цвета расплавленного чугуна, от нее пышет жаром

⁷ Выйду ночью в поле с конем (ногайск.)

⁸ Выйду ночью в поле с конем (тадж.)

и она мгновенно испаряется. Путь открыт.

А за стеной!.. Общий вздох изумления. Это наша Цель, она предстает перед нами во всем великолепии, во всех своих красках. Тут все, что здесь, в объеме сжатом, но также то, чего здесь нет. Слышу возгласы восторга: «Так вот ты какой, Семизеков Камень!», «Неужели я достиг ее, мою конюшню!», «Я увидел тебя, Замок в Облаках!», «Вот, вот она, Долина Змей, привет Змея-Долина!» Да, каждый видит то, что хочет, то, к чему стремился.

А передо мной стоит во всех своих феерических красках вокзал Слепого Приспешника. Я узнаю его шпили и башенки, изящную лепку и искусные витражи. Я вижу главный вход, и я уже иду к нему. Тысяча двадцать четыре пассажира стоят у его касс, анофелес летит изнутри наружу, законы термодинамики в этот миг действуют только для чайников, Восемьдесят Шестой уже начинает искать новые пути на его путях, а двое и один на двоих – не более чем быть в мыслях Знаменитого Компотоварителя.

Секунды – восемь, шесть... Это Восемьдесят Шестой дарит мне восьмой шест! Я разбегаюсь с этим шестом, прыгая овчарским скоком, и улетаю туда, куда столько стремился, где я должен, просто обязан обрести свою истинную суть. На миг передо мной возникает ослепительный Замок в Облаках... А-а-а-ах!..

Но опять все меняется, я становлюсь стеклянной полочкой для ковшей, и...

Финализируя происходящее, звучит голос Восемьдесят Шестого:

*Все опять возвратилось к исходной черте,
Только время прошло, да и мы уж не те.
Фантастический храм на недалежном холме
Обратился в руины и сгинул во тьме.
Стал короче рассвет и длиннее закат.
Что случилось вокруг, как вернуть все назад?*

...Как заповедовал Знаменитый Компотоваритель, все живое, неживое и отживое, свершив свой путь, возвращается туда, откуда оно вышло. Ибо у пути сего нет ни начала, ни конца, а есть только сам путь. И в самом нем есть смысл пути, есть цель пути и жажда пути. Но если ты хочешь узнать, что находится в конце пути, то смело иди, оставаясь на месте. Ведь там ты увидишь то же, что и здесь. Но если ты хочешь узнать, что есть путь, тогда встань и иди, и пусть все сущее будет твоей судьбой.

СЮЖЕТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОГО РАССКАЗА

Иллюзии, будто в один прекрасный день можно будет просто объявить, что вот теперь все в порядке, отныне беспочвенны. Я понял это, когда шел меж двух рядов Бетонных Мерзавцев и с жутью думал, не поставят ли и тут третий.

В этот миг передо мной с ужасающим криком упал человеклоп и маленькие вишенки крови сели мне на одежду. Захохотали гадские хохотуны Знаменитого Компотоварителя. Неплохой сюжет для небольшого рассказа, подумал я.

Пока я приближался к человеклопу, его лицо наполовину разобрали по кирпичикам кашалоты и дафнии для строительства пещер против грозы. Однако еще можно было понять, что существо это было не слишком старым, но прожившим ровно столько, чтобы пресытиться жизнью и полностью в ней разочароваться. Я бы и дальше изучал его, но кашалотам не терпелось закончить свою работу раньше дафний, чтобы успеть пожарить их, а не наоборот, и дальнейшая поддержка сулила мне осложнения в многотрудном существовании.

Тучи над северным краем неба понемногу сгущались и приобретали ядовито-желтоватый оттенок. К вечеру Холодный Душ обещал грозу. В последнее время грозы из аммиака и хлора стали для местной экосистемы привычным яв-

лением, но ничего путного в окружающий мир они не принесли. А пока было душно, воздух полон печатей и сапог, дышать им не хотелось. Хотелось сесть на медузу и решить в уме квадратное уравнение с мнимыми корнями. Но все пробежавшие мимо медузы с наглыми рожами дискриминировали мои дискриминанты.

Два ряда Бетонных Мерзавцев упорно не собирались кончаться. Я уже совсем было обнадежился, что ставить их третий ряд не будут, когда подошедший Шакаленок, подручный Знаменитого Компотоварителя, свистнул мне в ухо гнусавой дудкой, вызвав застарелый отит. Нам с отитом очень хотелось отнять у мерзкой скотинки гнусавую дудку и сыграть похоронный вальс Менделя, Менделеева и Мендельсона за его маленьким гробиком. Но это не удалось – Шакаленок все время отдалялся, пока не достиг горизонта, где превратился в анофелеса.

Вот так они и жили, подумал я, поковыривая в ухе. Этим нехитрым приемом отит удалось мне успокоить и загнать во внутреннее ухо. Дышать по-прежнему не хотелось. Душно. Желтые тучи постепенно собирались в шар и катились в направлении Холодного Душа. Я бы тоже не прочь прокатиться в направлении Холодного Душа. Но не могу – совесть не позволяет.

Наконец-то ряды Бетонных Мерзавцев закончились. Появилась поляна с редкими кустиками лапши и тритонами, просящими милостыню по обочинам тропки. В обмен на ми-

лостыню они предлагали сделанные из салфеток вилочки для лапши. Я торопливо дал одному жестяную банку, другому – ножку от бюста Наполеона, третьему – по морде, благородно отказавшись от вилочек. Тритоны исчезли вместе с лапшой и поляной. Невдалеке недобро бродила корова с зеленым лазером в глазах.

В эфире звучит голос Восемьдесят Шестого:

*Но если б апельсины были дешевы
И стоили пятак за килограмм,
То их бы с наслажденьем ели лошади,
Что скачут, будто кони, по горам.*

Очень душно, подумал я, постучав себя по лбу. Оттуда появилась скрипочка Амати. Единственно разумным было сжечь ее, каковое действие я и выполнил. Когда последняя струна инструмента вспыхнула со звуком чардаша, передо мной с ужасающим криком упал еще один человеклоп и маленькие вишенки крови сели мне на одежду. Захохотали гадские хохотуны Знаменитого Компотоварителя. Определенно неплохой сюжет для небольшого рассказа, подумал я.

Человеклоп меж тем потихоньку изменял свой облик, пока не стал неотличимым от запятой. Однако я все равно разглядел, что он тот же самый, что и прежде. Запятая махнула хвостиком и забурилась в асфальт, который находился на грани плавления и реальности.

За гранью не было ничего приличного. Там в изобилии водилась разнообразная гнусь и погань, периодически выходящая, дабы окружающие отравляли свою жизнь ее присутствием. Вот и сейчас оттуда вылезла восьминогая сороконожка с аппетитно причмокивающими губами, подозрительно напомнившая мне алькаку, и принялась демонстрировать себя местным монстрам. Местные монстры демонстративно ее не замечали. Наконец, начмокавшись, сороконожка смачно плюнула себе под седьмую ногу, попала на восьмую, ругнулась и убралась восвояси.

Аты-баты, три рубля, а тебя-то – труляля, подумал я, разглядывая сороконожкин плевок, который уже мели эники-беники – местные веники, употребляя с вороной вареники. Я невольно загляделся на них. Быть может, именно их природа изберет прообразом перелетных ворон? Усердно будешь подметать, тогда и перелетною вороной можешь стать, подумал я, упорно пытаюсь понять, зачем делить три рубля на аты-баты, если тебя-то – труляля.

Едва ли есть большая духота, чем сейчас, здесь и эта. Хоть бы скорее шар докатился до Холодного Душа. Может, полегчает.

Захохотали гадские хохотуны, не поверите, тоже Знаменитого Компотоварителя. Испугавшись, эники-беники выплюнули вареники с вороной и ещё усерднее начали мести округу. К чему бы? Тотчас передо мной с ужасающим криком упал третий человеклоп и маленькие вишенки крови се-

ли мне на одежду. Но в этот раз гадские хохотуны Знаменитого Компотоварителя отчего-то молчали. Определенно, несомненно и положительно неплохой сюжет для небольшого рассказа, подумал я. Человеклоп поднялся, сложил руки у груди и взмыл вертикально вверх. Рассмотреть я его не успел, но знал, что тот же самый. Интересно, что ему хочется от меня в частности и от всех остальных вообще? Лимиты на месяц уже исчерпаны, а фонды на год еще не выделены.

Ну очень душно. Дышать все никак не хотелось. Теперь больше всего хотелось стрелять по солнцу, пока оно не станет квадратным, как нерешенное без дискриминанта уравнение. Тогда духота уменьшится в 2,7182818, а при удачном попадании и в 3,1415926 раз. Поди, и дышать захочется.

Желтый шар катился несколько в сторону от Холодного Душа, пытаясь попасть в него не то карамболом, не то сорок четвертым колесом Восемьдесят Шестого. Тили-тили, трали-вали, рыбы лодку укатали, зайцы съели тетю Валю, подумал я, чихнув.

От чиха возник бревенчатый лабаз. Перед входом в лабаз висела корявая табличка: «Лабаз закрыт до лучших времен». Все вместе или поодиночке, но гурьбой, подумал я, чихнув еще раз.

Как же треугольник с соломенными усами раздражает мой нос! Ну какой ему резон висеть на двери лабаза, источать дух противоречия и пиликать на сожженной мною скрипочке,

жалобно припевая: «Не имей Амати, а умеи играти»? Попробовал его дернуть за ус, тот оторвался и обернулся павианом. Я резво отшвырнул примата за лабаз, а треугольник на три-четыре начал заклинать его сдохнуть, наяривая на сгоревшей скрипице. Павиан на заклинание не отреагировал, зато снова вылез отит, порываясь отобрать у треугольника скрипочку и сыграть на ней, за неимением гнусавой дудки, похоронный вальс Менделя, Менделеева и Мендельсона.

Кстати, заклинание вкупе с музыкой подействовало, но не на треугольник, а на павиана. Тот почил в бозе, а впоследствии из него сделают любимое чучело императора Шутовской Империи Ап-Чхи 25-26-го. Но об этом пока умолчим.

Ну сколько же так может продолжаться?! Наверное, еще ничего и не начиналось, ведь, как говорят, вначале было олово, а вот олова-то пока и не было. Чтобы тело и душа были молоды, потребляйте вы свинец, медь и олово, машинально запел я. Но было все, что угодно душе, даже томпак и победит, однако не олово. И даже не медь со свинцом.

Поразительно это мое нежелание дышать. Приходится себя заставлять вдыхать хотя бы в пять минут раз, и обязательно вместе с воздухом заглотишь то птичку, то электричку, а то дневник Восемьдесят Шестого.

Небо начало чесаться, сбрасывая с себя мелкие щетинки. Похоже, это местный дождь. И только по очереди, и не больше троих в одни руки, подумал я, выплевывая щетинки изо

рта. А если рук две?

Щетинки стали падать гуще, и вскоре все тело мое, подобно небу, начало зудеть со страшной силой. Захотели гадские хохотуны угадайте, кого. Передо мной с ужасающим криком упал человеклоп и маленькие вишенки крови сели мне на одежду. Неплохой сюжет для небольшого рассказа, но я это, кажется, уже говорил, подумал я.

Человеклоп оторвал свою голову и кинул мне. Это оказался пластмассовый муляж морского дьявола. Пока я ловил голову-муляж, человеклоп сел на треугольник, вставил ноги в его усы как, в стремяна, и ускакал. Я успел услышать лишь недовольное ржание треугольника.

Этот назойливый человеклоп порядком мне надоел. Сколько раз он еще появится передо мной и что он хочет доказать? Если то, что один и тот же, то это я уже знаю, а если то, что они разные, то сие в доказательствах вообще не нуждается – аксиома! Отит был со мною согласен.

Опять звучит голос Восемьдесят Шестого:
*Сюда идут лишь те, кому назначен срок,
Кто завершил дела, кто сделал всё, что мог,
Кто все прочел в строках и даже между строк,
Кто в этом деле был большой знаток.*

Похоже, уже начинаю плавиться от жары, подумал я, икнув. По груди что-то течет, не иначе олово где-то нашлось

и стекает вниз. Ах, нет, это всего лишь мой пот на мой топ...

Внезапно остро захотелось выпить солидола – любимого напитка, как я полагал, человеклопов. Солидол есть шклоп-ум для урода, убеждал я себя, не зная ничего о жуках-шклопсах. Тем не менее – хотелось. Солидола я нигде не обнаружил, пришлось ограничиться кефиром, в изобилии цветшим в прилегающем пространстве. Жаль, что кефир немного перезрел и был более похож на сыворотку. Но все равно жажду утолял не хуже солидола.

Щетинки падали сплошным ковром, тело чесалось адски. Где бы спрятаться? Вижу навес справа по курсу. В первую минуту мне показалось, что это приснопамятный треугольнико-вый лабаз, так как на навесе тоже болталась табличка, и вместе с телом начали чесаться нос и отит. Однако мигом позже я смекнул, что это более похоже на автобусную остановку, ибо надпись на табличке гласила: «Маршрут №666. Больница-кладбище».

Веселенькое дело! Вот и автобус, напоминающий двухэтажный катафалк. Особенно меня умилили кисточки и рюшечки, кокетливо болтавшиеся по углам империала, сделанного в виде открытого гроба. За рулем эрдель-терьер, кондуктор – такса с огромной сумкой из рака кожи, то есть кожи рака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.